

А

Шауль (Саул Гутманович) Черниховский
(1873–1943)

ТРАГИЧЕСКИЙ ПОЭТ
(Памяти Владислава Ходасевича)

Оригинал статьи находится по адресу:
<http://www.rjews.net/sifrut/hodas-ch.htm>

14 числа сего месяца в Париже скончался один из известнейших и лучших писателей русского зарубежья – Владислав Ходасевич, и кажется мне, что в наши дни не было русского поэта более трагического, чем он.

Он был из тех немногих, кто всю свою жизнь очарован самым большим в мире чудом – чудом вызревания человека. Он был пленен тем таинством, что совершалось в нем, околдован музыкой собственных слов. Даже недруги вынуждены были признать в нем изящество вкуса и острый взгляд критика, умеющего проникать в самую суть произведения, не им написанного. В этом отношении весьма примечательно, что на протяжении всей своей жизни он говорил все тем же языком, все теми же словами. Можно сказать, что человек, попав в сокровищницу чужого языка, начинает сравнивать этот язык со своим и ценить достоинства собственной речи. Ведь повседневное пользование словом притупляет ощущение сокрытой в нем красоты, и мы равнодушно проходим мимо дивных жемчужин родного языка, полагая, что иначе и сказать нельзя. Не так воспринимает богатство языка чужестранец: он различает все прелести неродного языка и восхищен ими. И. если не ошибаюсь, даже первая в мире грамматика (арабская) была написана персом.

Ходасевич, однако, не знал ни одного языка, кроме русского. И тут мы сталкиваемся с чрезвычайно интересным явлением.

Его отец был поляком, мать – из еврейской семьи. Мне не известно, насколько хорош был их русский и насколько верно они выговаривали слова, но от Ходасевича я знаю, что бабушка изъяснялась по-русски примерно так: "Закрывай фэнстер". Так было с Пушкиным, кумиром Ходасевича, так было и с ним: языком своего творчества каждый из них обязан няне.

Прожив несколько лет в Германии, он даже папиросы не мог купить без помощи милой Н.Н.Б., и мне трудно поверить, что, живя в Париже, он освоил французский. Там можно полностью оставаться в русской среде.

С его смертью мы, евреи, потеряли дорогую душу, близкую нам издавна, – одного из праведников мира, любителя древнееврейского языка, любителя нашей литературы, от древних ее образцов до новых.

В предисловии к своей книге "Из еврейских поэтов" он пишет:

"Мне случилось перевести довольно много стихов для так называемых "инородческих" сборников: еврейских, армянских, латышских, финских. Творчество поэтов, пишущих в настоящее время на древнееврейском языке, оказалось для меня наиболее ценным и близким".

И он это доказал. Он переводил из Бялика ("Предводителю хора"), Фришмана, Фихмана, Шнеура, Шимоновича и Авраама Бен-Ицхака. Из моего перевел идилии: "Завет Авраама", "В знойный день", "Вареники", "Свадьба Эльки" – и еще.

Перевод "Свадьбы Эльки" вышел один раз в России и один раз в ежемесячнике Горького в Берлине. И когда несколько лет назад собрались праздновать его юбилей, посоветовались и решили выпустить "Свадьбу Эльки" роскошным изданием, экземпляров 260, с рисунками Мане-Каца специально для этой книги. Мне неведомо, кто был причиной задержки, но книга так и не состоялась, и, как мне кажется, даже художнику за работу заплачено не было. Не улыбнулось ей, Эльке, прелестной невесте, счастье: сначала издательство "Оманут" захотело выпустить ее нарядной книжкой, что разгневало ущемленного в своем праве первенства дорогого нашего Авраама Штыбеля. Знаменитый художник Пастернак выполнил по заказу Штыбеля семь иллюстраций по этому случаю, но небеса не благоволили начинанию.

За несколько месяцев до смерти поэт читал "Эльку" на посвященном ему вечере.

Видно теплилась в нем еврейская искра, словно искала, как искупить ей